

О рождественских фильмах

Есть в мире фильмы, ставшие такой же частью рождественского ритуала, как елка, индейка и чулки, повешенные у камина, в которые Санта-Клаус незаметно положит подарки. Например, американские телезрители знают, что сразу по множеству каналов они увидят фильм Фрэнка Капры «Как прекрасна жизнь» (It's a Wonderful Life, 1946). А кабельный канал Turner Network Television зарядит свой знаменитый марафон. В течение суток он покажет двенадцать раз подряд «Рождественскую историю» (A Christmas Story, 1983) Боба Кларка, комедию о мальчике, который мечтает получить от Санта-Клауса карабин Red Ryder со встроенным компасом, да только вот родители боятся, что Ральфи первым делом вышибет себе глаз.

Ну, ритуал и ритуал — так сложилось. Только вот в странностях рождественского кинопоказа есть глубокий, мистический смысл. Ведь что такое Рождество? Это «время ноль», в котором встречаются, следовательно, и исчезают прошлое, настоящее и будущее. Недаром Терри Джонс в «Смысле жизни по Монти Пайтону» (Monty Python's the meaning of Life, 1983) уверял, что в раю одно сплошное Рождество. Если вдуматься, то в этом есть нечто не только величественное, но и жутковатое.

Именно об этом «Рождественская песнь в прозе» (1843) Чарльза Диккенса. Черствого скрягу Эбинейзера Скруджа накануне Рождества навещают, о чем предупреждает его призрак покойного компаньона Марли, по очереди три духа. Святочный Дух Прошлых Лет показывает Скруджу живые картины из его детства и юности, напомнив, что некогда этот сухарь обладал живой душой. Эпикурейский Дух Нынешних Святков проводит экскурсию по городу, обитатели которого, в отличие от Скруджа, от всей души радуются празднику, даже если в прочие дни им совсем не до веселья. А Дух Будущих Святков переносит в близкое будущее, где никто не прольет ни слезинки над телом Скруджа, если тот срочно не исправится.

Киногеничность текста наряду с магическим ощущением исчезновения времени определила то, что «Песнь» — не только чаще всего экранизируемое произведение Чарльза Диккенса, но, пожалуй, одно из самых экранизируемых произведений мировой литературы. Впервые ее воплотил англичанин Уолтер Буф. Пятиминутный фильм «Скрудж, или Призрак Марли» («Scroodge, or Marley's Ghost», 1901) в ноябре 1901 года благосклонно посмотрели британский король Эдуард VII и королева Александра. Очевидно, это был первый в истории прецедент выпуска фильма в прокат, специально приуроченный к Рождеству.

И понеслось. С тех пор «Песнь» звучала с экрана (в основном телевизионного) раз семьдесят — едва ли не ежегодно. Последнюю на данный момент версию, анимационную «Рождественскую историю» (A Christmas Carol, 2009), снял Роберт Земекис, и можно биться об заклад, что эта версия далеко не последняя.

Да и фильм Капры «Как прекрасна жизнь» — тоже, пусть и вывернутая наизнанку, версия «Песни». Именно Капра (1897–1991) был и остаётся главным специалистом по рождественским чудесам. В «Леди на день» (Lady For A Day, 1933) нищая торговка яблоками Яблочная Энни благодаря великодушному гангсте-

Американские каналы в новогодние праздники будут бесчисленное количество раз транслировать «Рождественскую историю» Боба Кларка. Кадр из фильма A Christmas Story (1983)

ру представала перед дочерью, ничего не знавшей о мамином житье-бытье, леди из высшего общества. В «Познакомьтесь с Джоном Доу» (Meet John Doe, 1941) герои спасали отчаявшегося бейсболиста, собравшегося в рождественскую ночь броситься с башни мэрии.

Капра был адептом рузвельтовского «нового курса» и безошибочно почувствовал, что именно Рождество — идеальная фактура для его пропаганды. Ведь в Рождество вместе со временем исчезают и классовые барьеры. Радость объединяет премьер-министров с бомжами, в крайнем случае — с секс-дублерами кинозвезд, как в «Реальной любви» (Love Actually, 2003) Ричарда Кертиса. Пусть и на одну ночь.

Капра, судя по его фильмам, справедливо считал Рождество праздником прежде всего для взрослых мужчин и женщин, пусть они и не верят в чудеса. Главный рождественский жанр — все-таки не феерия, не сказка, а мелодрама. Дети просят, чтобы на ночь им рассказывали одну и ту же любимую сказку. Точно так же взрослые зрители просят рассказывать им заново, раз в двадцать-тридцать лет, одну и ту же мелодраматическую сказку в обязательном рождественском антураже.

Например, самую жалостливую мелодраму в мире — «Любовную историю» (Love Affair, 1939) Лео Маккэри, ту самую, где под Рождество героиня встречает обожаемую героиню и понимает, что она его не бросила, а просто не хотела стать обузой, — Голливуд пересказал в 1957 и 1994 годах. А Нора Эфрон осво-

менила «Лавочку за углом» (The Shop Around the Corner, 1940): в ее фильме «Вам письмо» (You've Got Mail, 1998) послуживцы, не догадывающиеся, что ведут друг с другом романтическую переписку, обмениваются e-mail.

Есть и особо нуждающиеся в Рождестве категории взрослых. Например, преступники. Девушке, укравшей от отчаяния браслет из витрины магазина, Рождество сулит изкинд с прокурором, выпустившим ее под залог да и влюбившимся, в «Запомни эту ночь» (Remember the Night, 1940) Майкла Лейзена. Три задубелых налетчика на техасские банки преобразятся в волхвов, приняв роды у потерянной в пустыне женщины, в «Трех крестных отца» (Three Godfathers, 1948) Джона Форда. Разобьется в лепешку, но достанет своей ненаглядной дочке какую-то специальную куклу нью-йоркский героининый король в «Нашем Рождестве» (R'Xmas, 2001) Абеля Феррари.

Но апогей, сияющая вершина рождественского мелодраматизма, — это, конечно, любовь с первого взгляда между солдатом, возвращающимся из госпиталя на фронт, и девушкой, отпущенной в увольнительную из тюрьмы, в фильме Уильяма Дитерле «Увидимся» (I'll Be Seeing You, 1944).

Впрочем, и детей, и взрослых объединяет одна проблема: Who Is Mr. Santa Claus? В самом деле, кто скрывается под красным нарядом и накладной растительностью на лице? Финны должны лучше иных народов отличать оригинал

от подделки, но и они попали впросак. Приняли в «Санте на продажу» (Rare Exports: A Christmas Tale, 2010) Ялмари Хеландера старикашку, найденного в вечной мерзлоте, за Санту: тут-то и начали из домов пропадать дети и дорогие электроприборы.

Санта может оказаться и настоящим. Именно это пытаются выяснить героини «Чуда на 34-й улице» (Miracle on 34 Street, 1947) Джорджа Ситона, нанявшие на роль Санта-Клауса вместо напившегося профессионала приبلудного дедка. Но вдруг он опасный самозванец? На этом коренном вопросе бытия основан один из лучших французских детективов «Убийство Деда Мороза» (L'Assassinat du Pere Noel, 1941) Кристиан-Жака, где обитатели горной деревушки находят в снегах убитого незнакомца в костюме «Папаши Рождество». Хотя, если Санта и настоящий, кто сказал, что он находится на самой вершине волшебной вертикали власти. Ведь Санту из «Рождества, которого почти не случилось» (The Christmas That Almost Wasn't, 1966) Россано Брацци едва не выставил скряга, задравший арендную плату за Северный полюс.

Существуют две — естественно, немногочисленные — категории режиссеров, которые способны снять на рождественскую тему нечто неожиданное и ни в какие ворота не лезущее.

Одни из них — те, в фильмах которых праздник выходит из-под любого контроля и превращается из рутинного ритуала в Праздник, то есть в веселую оргию разрушения. Это, например, Джеймс Хорн и Лео Маккэри, в «Большом бизнесе» (Big Business, 1929) которых легендарные комики Лаурел и Харди хотели всего лишь продать клиенту чудесную елочку, а в итоге снесли с лица земли его дом, если не целый поселок. Или Жан-Мари Пуаре, в чьем фильме «Дед Мороз — ублюдок» (Le Pere Noel est une ordure, 1982) в офис службы телефона доверия на самое Рождество ворвалась целая орда немислимых фриков с еще более немислимыми личными проблемами.

Ну а вторая категория режиссеров — это, конечно же, поэты. Чарльз Лоутон, подаривший самое волшебное в истории кино Рождество детям, победившим с помощью храброй старушки зло, воплотившееся в безумном священнике-убийце, в «Ночи охотника» (The Night of the Hunter, 1955). И Жан Ренуар, воплотивший в «Маленькой продавище спичек» (La Petite marchande d'allumettes, 1928) сам дух Рождества, состоящий из надежд и печали.

МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ